

САХАРОВ И КРИТИКА «ПИСЬМА ВОЖДЯМ»

Ожидая выхода в свет сборника «Из-под глыб», я весь 1974 год выдерживался от ответов на избыточную критику моего «Письма вождям»: сам адрес «Письма» не допускал достаточно глубокого обоснования моих предложений, оно более обнаружится теперь в моих статьях Сборника. Критика, пришедшая от московской интеллигенции, больше всего, пожалуй, поражала не сама собою, а — холодным игнорированием другого, *одновременно опубликованного документа и обращённого прямо к советской интеллигенции: «Жить не по лжи!»*. Следовало или не следовало обращаться к советским правителям, «так» или «не так» было им предложено, откажутся или не откажутся они от идеологии, — это не имело решающего и единственного значения: был предложен второй и более верный путь, с *нашей* стороны: отшатнуться от идеологии *нам*, перестать *нам* поддерживать это злобное чучело — и оно рухнет помимо воли «вождей». Странно: этого призыва, обращённого *прямо к нам*, многословные московские критики моего «Письма» не заметили. По пословице: где просто, тут ангелов со-сто, а где хитро, там ни одного.

Западная критика удивила другим: *непрочтением* «Письма». Начиная с поспешных и безответственных газетных заголовков, отзывались так, будто речь шла о каком-то другом документе, где предлагалось не самоограничение, а агрессия.

И не пришлось бы мне вовсе отвечать, если бы среди первых же критиков не оказался А. Д. Сахаров, чьё особенное положение в нашей стране и моё к нему глубокое уважение не дают возможности игнорировать его высказывания. Сегодня, уже имея в виду аргументацию сборника «Из-под глыб», я считаю своим долгом и правом дополнительно кратко ответить Андрею Дмитриевичу.

Я счастлив отметить, что сегодня мы сходимся с ним несравненно по большему числу вопросов, чем это было 6 лет назад, когда мы познакомились в самые месяцы появления его меморандума. (Я хочу надеяться, что ещё через 6 лет область нашего совпадения удвоится.) Пункты нашего согласия уже отмечались в прессе, и среди главных тут (используя сахаровские формулировки): неудача социализма в России не вытекает из специфической «русской традиции», но из сути социализма; отказ от «социалистического мессианизма», от явной и тайной поддержки смут во всём мире; «отделение марксизма от государства»; прекращение опеки над Восточной Европой; отказ от насильственного удержания национальных республик; разоружение в широких пределах; освобождение политзаключённых, терпимость в идеологии; укрепление семьи, воспитания, покрытие «потерь во взаимоотношениях людей, в их душах».

Но есть и очень важные пункты расхождений, в которых нельзя оставить неясности. Главная из них — *роль Идеологии* в СССР. Сахаров считает, что марксистская идеология почти не имеет влияния и значения: для правителей она лишь «удобный фасад», а в основе — только жажда власти, ни внешняя, ни внутренняя политика страны якобы вообще не определяются ею, общество «идеологически индифферентно», лишь «лицемерная болтовня заменяет присягу на верность».

И этого лицемерия — мало? Да красным электродом прожгло наши души через все 55 лет: через всю оплевательную «самокритику» 20-х и 30-х годов, публичные отречения от родителей и друзей, издевательски-надрывную «добровольность займов» (для нищих колхозников!), ликование народов по поводу того, что они оккупированы (день оккупации — национальный праздник!), ликование населения при известиях об арестах и расстрелах, сверхчеловеческую злодейскую твёрдость у палачей и сегодняшнюю обязательную мерзкую ложь, вот эту принудительную «присягу» — а ею интеллигенция-образованщина, втайне мечтающая о свободе, послушно и поддерживает своё рабство. Всего несколько лет назад даже редакция «Нового мира», не говоря о множестве «передовых» НИИ, выразила печатный восторг по поводу оккупации Чехословакии, то есть надругалась над собственной многолетней линией, — и Идеология не

имеет значения? Да завтра произойдёт ещё одно такое событие — и снова образованщина подтвердит своё высшее одобрение. Идеология выкручивает наши души как поломоиные тряпки, она растлевает нас, наших детей, опускает нас ниже животного состояния — и она «не имеет значения»? Есть ли что более отвратительное в Советском Союзе? Если *все не верят* и все подчиняются — это указывает не на слабость Идеологии, но на страшную злую силу её.

И той же властной хваткой она ведёт наших правителей — от дореволюционных ленинских «Уроков Коммуны», что только массовыми расстрелами должна утверждаться пролетарская власть; от одержимонавистного тайного ленинского письма о разгроме Церкви — и через реальное уничтожение *целых классов* и десятков миллионов разрозненных людей (какие властолюбцы для утверждения какой власти когда нуждались в таком стократном запасе прочности??), через коллективизацию, экономически бессмысленную, но заглотное приношение в идеологическую пасть (недавно хорошо показал Агурский: главной целью коллективизации было — сломить душу и древнюю веру народа), — и до избыточного, не нужного нам разлития азиатского коммунизма всё дальше на юг; до растоптания союзного чешского народа — не по государственным соображениям, а всего только из-за идеологической трещины. И сегодня правители, отравленные ядом этой Идеологии, неотвратимо шутовски твердят по шпаргалкам, хотя б сами не верили в то (пусть понимая только *власть* — но и они рабы Идеологии), и безумно стремятся поджечь весь мир и захватить его, хотя это погубит и сокрушит их самих, хотя покойней было б им сидеть на захваченном, — но так гонит их Идеология! Вся внутренняя ложь и вся внешняя экспансия, и оправдание войн и убийств («прогрессивные» убийства при классово оправданных обстоятельствах целесообразны!), оправдание завтрашних войн — всё на этой Идеологии. И на её почти мистическом влиянии — полувековая восхищённая завороченность Запада, его приветствия нашим зверствам: никогда перед кучкой простых властолюбцев так бы не ослеп весь просвещённый мир.

Марксистская Идеология — зловонный корень сегодняшней советской жизни, и, только очистясь от него, мы можем начать возвращаться к человечеству.

Второе заметное расхождение между Сахаровым и мной: допустимость и реальность какого-нибудь иного пути развития нашей страны, кроме внезапного (и необъяснимо откуда) наступления полной демократии. Теоретические соображения об этом теперь можно найти в моей первой статье (дополнение 1973 года) сборника «Из-под глыб». Практическое обозрение истории и перспектив демократии в России требует отдельного рассмотрения на историческом материале. Как и во многих местах, мне фальшиво приписано вместо сомнений о внезапном введении демократии в сегодняшнем СССР — полное отращение к демократии вообще. Я обратил бы внимание читателей снова на М.Агурского, кто в отзыве (Вестник РХД, № 112) на «Письмо вождям» ответственно пишет о величайшей опасности *межнациональных войн*, которые затопят кровью рождение у нас демократии, если оно произойдёт в отсутствие сильной власти. Межнациональные противоречия в итоге советской системы — десятикратно накалённое, чем были в прежней России. Этому вопросу в нашем Сборнике посвящена одна из статей И. Шафаревича. А происхождение тоталитаризма отнюдь *не* из авторитарных систем, существовавших веками и никогда не дававших тоталитаризма, но — из кризиса демократии, из краха безрелигиозного гуманизма, прослежено ещё в одной статье нашего Сборника.

Наконец, существенное непонимание возникает между нами тогда, когда Сахаров, к моему удивлению, обвиняет меня в «великорусском национализме», и даже слово «патриотизм» относит к «арсеналу официозной пропаганды» (как и «православие» «настораживает его» — оттого что «Сталин допуская прирученное православие» — то есть *угнетал* его по своей программе). Меня, когда я предлагаю никого не угнетать, всех освободить, сосредоточиться на внутреннем лечении народных ран, — называть националистом? Какое ж слово тогда для завоевателя? Можно было бы искать разгадку во всеобщей путанице терминов: империализм, не-

терпимый шовинизм, надменный национализм и скромный патриотизм (любовь-служение своей нации и стране с откровенным раскаянием в её грехах, под это определение подходит и сам Сахаров). Но кто хорошо знает нынешнюю обстановку в советской общественной среде, тот согласится, что дело — не в путанице терминов, а в исключительной накалённости чувств. Когда в нобелевской лекции я сказал в самом общем виде:

«Нации — это богатство человечества, это — обобщённые личности его, самая малая из них несёт свои особые краски, таит в себе особую грань Божьего замысла», —

это было воспринято всеобще-одобрительно: всем приятный общий реверанс. Но едва я сделал вывод, что это относится *также* и к русскому народу, что *также* и он имеет право на национальное самосознание, на национальное возрождение после жесточайшей духовной болезни, — это было с яростью объявлено великодержавным национализмом. Такова горячность — не лично Сахарова, но широкого слоя в образованном классе, чьим выразителем он невольно стал. За русскими не предполагается возможности любить свой народ, не ненавидя других. Нам, русским, запрещено заикаться не только о национальном возрождении, но даже — о «национальном самосознании», даже оно объявляется опасной гидрой.

Теперь, когда вышел Сборник, я могу сослаться на высокую нравственную аргументацию В. Борисова, напоминающего нам о нации-личности в личностной иерархии христианского космоса, о том, что не историей создаются нации, но нации создают историю, на долгой жизни своей, то в свете, то во тьме, ища, как предельно-полно выразить свою личность. И подавление этой личности — величайший грех. (Для меня, как для писателя, тут ещё трепещет судьба *я з ы к а*: если подавлять национальное самосознание, то ведь надо и язык убивать как свидетеля национальной души? Да такое убийство русского языка и происходит уже десятилетиями в СССР.) Другой мой соавтор, М. Агурский, которого никак не обвинишь в пристрастии, указал недавно, что нынешний «национализм» большой нации есть её самозащита от собственной экспансии, которая истощает и приводит к вырождению прежде всего её самою. Да, сегодня русский порыв к национальному самосознанию — есть оборонительный вопль тонущего народа. Не смотрите на внешние успехи государственной силы: как нация мы, русские, находимся в пучине гибели и ищем — есть ли ещё за что уцепиться и выбраться.

Особенно задело Сахарова и оскорбило единомыслящих с ним читателей мое выражение в «Письме»: «несравненные страдания, перенесенные русским и украинским народами». Я рад был бы, чтоб это выражение не имело оснований. Однако я хочу напомнить А.Д., что «ужасы Гражданской войны» далеко не «в равной степени» ударили по всем нациям, а именно по русской и украинской главным образом, это в *их* теле бушевали революция и сознательно-направленный большевицкий террор: большинство нынешних республик были в отпавшем состоянии, а остальные малые народы до поры щадились и поддерживались по тактике коммунизма, использовались против главного массива. Под видом уничтожения дворянства, духовенства и купечества уничтожались более всего русские и украинцы. Это *их* деревни более всего испытали разорение и террор от продотрядов (большой частью инородных по составу). Это на *их* территории было подавлено более 100 крупных крестьянских восстаний, в том числе обширные Тамбовское и Сибирское. Это *они* умирали в великие искусственные большевицкие голоды 1921 на Волге и 1931—1932 на Украине. Это в основном *их* загнали толпою в 10–15 миллионов умирать в тайгу под видом «раскулачивания». (Как и сейчас нет деревни беднее русской.) А уж русская культура была подавлена прежде и вернее всех: вся старая интеллигенция перестала существовать, эпидемия переименований катилась как при оккупации, в печати позволено было глумиться и над русским фольклором, и над искусством Палеха, и от ленинской «шовинистической великорусской швали» родилась дальше волна беспрепятственных издевательств: «русопятство» считалось литератур-

но-изящным термином, Россия печатно объявлялась призраком, трупом, и ликовали поэты:

Мы расстреляли толстозадую бабу Россию,
Чтобы по телу её пришёл Коммунизм-мессия.

(Если нужны библиографические уточнения, я их представлю публично.) И так выюжило лет 15 — и никто нигде ни у нас, ни за границей не предположил и не обмолвился, что в Советском Союзе существует какое-либо «национальное угнетение». И лишь с конца 30-х годов, когда два наибольших народа были уже убиты и по социалистической переменчивой тактике (прекрасно вскрытой теперь И. Шафаревичем) пришло время перенести давление на малые народы, — только с этих пор услышали мы о национальном угнетении в СССР, что тоже совершенно верно.

Я не буду входить во второстепенные наши расхождения с А. Д. Сахаровым: о том, можно ли так верить в «научное и демократическое регулирование экономики», как верит он, но какое не осуществилось ещё даже в Европейском сообществе; в конвергенцию; в предпочтительную важность эмиграции перед всеми видами других прав остающегося населения; в расцвет России через приток иностранных капиталов (будто они будут искать нашего расцвета, а не своей короткой быстрой выгоды с пренебрежением к нашей природе). Я не буду возвращать ему упреков в утопичности; в нашем беспомощном положении как не попытать порой и утопию?

Но нельзя не удивиться, что А. Д. Сахаров, севши мне отвечать, допустил большую небрежность в истолковании моей точки зрения. Он приписывает моему проекту: «замедление международных научных связей», «идеологический изоляционизм», «стремление отгородить нашу страну от торговли... от обмена людьми и идеями», «общинную организацию производства», «отдать ресурсы государства и результаты научных исследований... энтузиастам национально-религиозной идеи и создать им высокие доходы...» и т.д. Всякий, кто потрудится ещё раз перечитать моё «Письмо», убедится, что ничего подобного там нет.

Эта горячность и опрометчивость пера, не свойственная Сахарову, выразила горячность и поспешность того слоя, который без гнева не может слышать слов «русское национальное возрождение».

В нынешнем Сборнике разъяснено, как мы это возрождение понимаем: пройти свой путь раскаяния, самоограничения и внутреннего развития, внести свой вклад в добрые отношения между народами, без которых никакая «прагматическая дипломатия» и никакие ООНовские голосования не спасут человечество от гибели.

18 ноября 1974